

Марине Олеговне Саввиных – 60 лет

9 декабря 2016 года исполнилось 60 лет члену Союза российских писателей, первому лауреату фонда им. В.П. Астафьева, главному редактору литературного журнала «День и ночь», заслуженному работнику культуры Красноярского края, кавалеру ордена Достоевского I степени Марине Олеговне Саввиных.

Марина Саввиных – автор книг стихов и прозы («Фамильное серебро», «Rescogitans», «Глиняный пятигранник», «Mail.ru», «Собеседники», «Горизонты Рожкова», «Сафьяновый блокнот» и др.), снискавших ей признательность читателя в России и русскоязычном мире, известный педагог-филолог (она – автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея) и видный общественный деятель.

В последнее время Марина Олеговна – частый гость в Осетии и других республиках Северного Кавказа: вот уже несколько лет она успешно работает над программой «Мосты над облаками», нацеленной на упрочение культурных связей Сибири и Кавказа, двух российских краев с «нерастраченной», как она сама говорит, «имперской пассионарностью». Побывала она в свое время и во Владикавказском научном центре, где беседовала с его директором А.Г. Кусраевым и нашла новых друзей и единомышленников.

Владикавказский научный центр поздравляет Марину Олеговну Саввиных с юбилеем и желает ей крепкого здоровья, доброго настроения и успехов в творчестве и общественной работе.

РУССКИЙ ДУХ МАРИНЫ САВВИНЫХ

Все поэты делятся на идеалистов и формалистов, – в зависимости от того, как они решают основной вопрос поэтики – вопрос об отношении содержания (идеи) и формы. Марина Саввиных – ярко выраженный идеалист: идейная заостренность и пафос, преданный ее оппонентами анафеме, неотделимы от ее лирического тембра. Она по-толстовски не приемлет стилистических изысков, не поверенных нравственным отношением к жизни и литературе.

Марина Саввиных – безусловно русский поэт («здесь русский дух», и здесь начало ее идеализма). Ее творчество подтверждает умозрительные догадки о том, что искусства – прежде

всего поэзии как словесного искусства – не бывает вне национальности. Арифметика не может быть национальной, а поэзия не может не быть национальной.

Что делает ее русским поэтом? Ее владение русским языком, включая все его лексические пласты, глубоко и академично. Ее творчество возвращает слова «к родному смыслу»: поэтически это больше, чем открытие нового смысла. И в то же время в этой филологической душе «бродят древние наитья». Ее поэтический слух безупречен: он учтет все обертоны слова и строки. У нее – «бездомная луна», «священный ужас», «каторжный Христос» и «рыдающий Аллах». Ей

мало чистой – у нее «пречистая русская речь». Это – владение языком в той степени, когда язык владеет человеком.

Русским поэтом делает ее укорененность в русской поэтической традиции. Неспроста она любит Тютчева, у нее есть историческое созерцание и ясность мысли («Есть тайные случайные дары, // Судеб и знаков скрытые сближенья...»). Но Цветаева и Ахматова тоже любили Тютчева. Марина Саввиных неизбежно мыслится в ряду самых благородных и изысканных лирических героинь от Гиппиус до Ахмадуллиной. Ее стихи красивы, как скрипичный знак, бокал или кортик; так могла бы писать Прекрасная Дама Блока или Маргарита Булгакова: «Я – сгусток боли и стыда // Сестер, сожженных без суда». Женская поэзия – объективный феномен. Женской арифметики нет, а женская поэзия есть.

Русским поэтом делает ее христианская этика («Не я, Господи, а ты мне говоришь...»), русский православный мистицизм («Беру огонь в рукав, как принимают схиму...»), самое ответственное – имперское – мышление и русское гражданство патрицианской высоты и высокомерия («Что вам дала, князья, гибельная наука // Милую степь бросать варварским сапогам?...»; «Олимпийская жесть подворотне скучна – // Подноготная истина ей не нужна...»).

Русским поэтом делает ее живой и страстный интерес к другой судьбе, другой душе («Души чужой взыскую! // Вот где грех!»; «Прочти меня, мой Черный Человек!...»): поэзии нет без одиночества, но поэзии нет и без единства. На концептуальном уровне это – пристрастие к странствию в пределы иной культуры, иного языка, иной народной души («Я заблудилась, город моей мечты, // Между твоими розами и огнями. // Что означают статуи и цветы? // Траурные стволы с мраморными ступнями? // Ты заблудил меня, околдовал и сдал // Царству чужих теней, призрачной паутине...»). Поэзии нет вне национальности, но поэзии нет и вне интернационализма.

Поэтически Марина Саввиных делает большую и важную работу, которую русская душа, по Достоевскому, должна выполнить на уровне исторического и общечеловеческого бытия. Как русский народ примиряет между собой и соединяет в общий лейтмотив идеи и судьбы разных

народов, так чуткий талант Марины откликается голосам других культов и тишине чужих пантеонов и некрополей. И эта симфония – эта симпатия – делает ее русской и родной.

У нее Иудея, Рим и Эллада («Я ощущаю – страшную – ответственность за Гомера, // За Геликон, возвышенный, как Прометеев вздох»); Польша, Украина и Грузия («Грузия моя, где же ты? // Или по взыскании предела, // Искусившись зла и срамоты, // Автандил стреляет в Таризла?»); Дагестан, Кабарда, Чечня и Осетия («О Кавказ, тоску вражды и мщенья // Утолив на переправе дальней, // Русский дух взыскует очищения // В роковой твоей исповедальне»).

Нужно обладать известной мягкостью, чтобы быть восприимчивым к другим голосам, и надо обладать твердостью скалы, чтобы служить «эхом мира». Эта коллизия органично разрешается в переводческом творчестве Марины Саввиных. Ее «Мосты над облаками» – вовсе не воздушные замки; это замечательный образец реалистического литературного зодчества, а последние переводы из современной поэзии Северного Кавказа, органично дополняющие этот очерковый цикл, отличаются качеством, которого редко достигали и при советском литературоцентризме.

Она переводит не стихи, а реальность. Ей надо увидеть человека, услышать его речь, его смех, потрогать деревья в его саду и воровски набрать простых каштанов. Вот почему в ее переводах есть свои основания бытия; они хороши безотносительно к оригиналу и полны собственных, Марины, открытий, легко и естественно развивающих лучшие образы и интенции оригинала. Текст ее перевода – литой и плотный, в нем нет обидных трещин и щербин, – и всегда делает честь оригиналу: «Нет за полночь огня – и над тобой // Уже не будет солнечного света...» // Смотри, не верь тому, кто скажет это. // Так говорит о свете лишь слепой».

Прекрасный символ поэтической веры. Этому можно верить: так говорит тот, кто строит мосты над облаками; а тот, кто строит мост, уже стоит на мосту.

И.С. Хугаев,
д. ф. н., в. н. с. ВНИЦ РАН.

